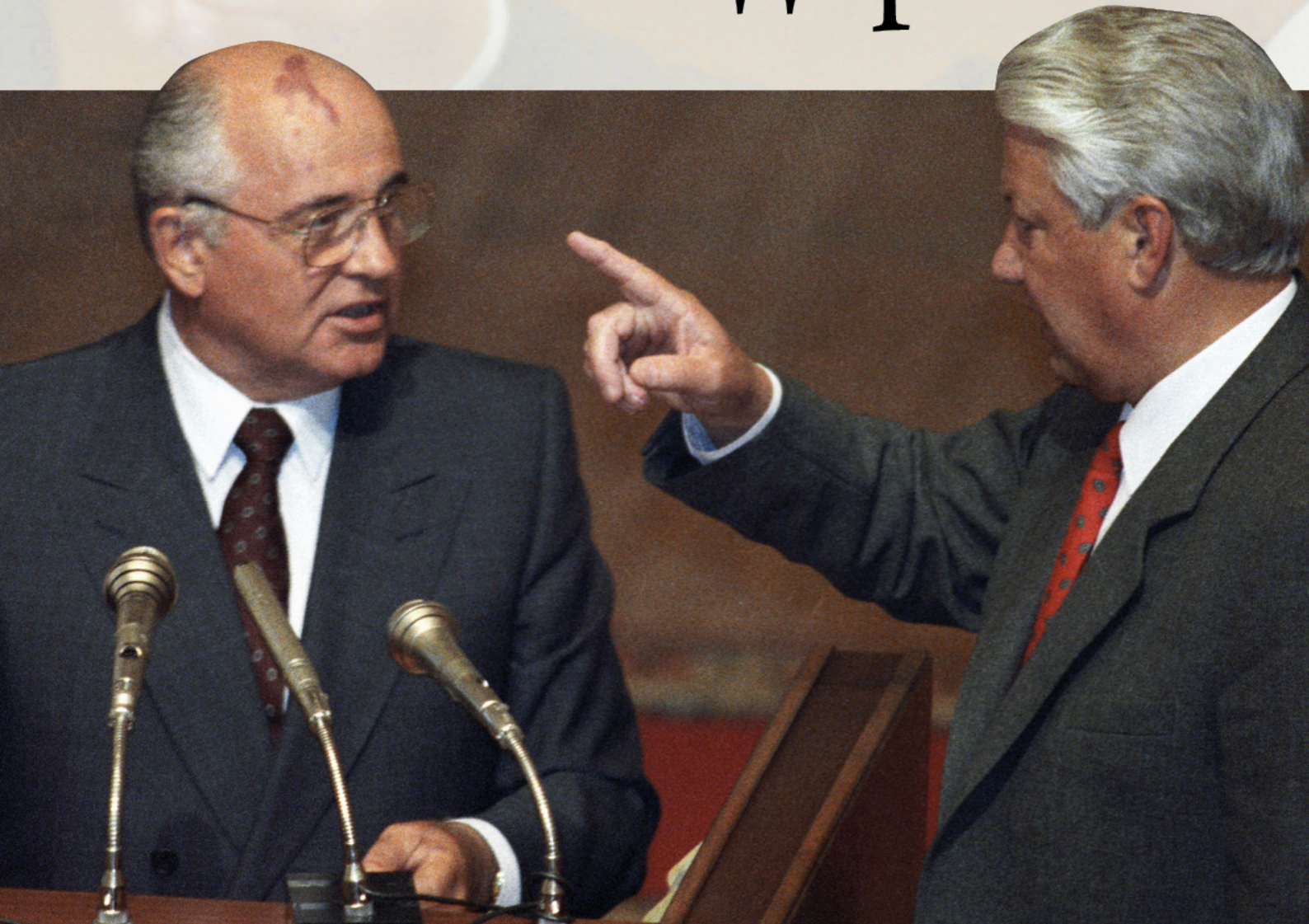

Джордж Бреслауэр

Горбачев
и Ельцин
как лидеры

Современная западная русистика

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Джордж Бреслауэр

Горбачев и Ельцин как лидеры

«Библиороссика»

2002

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

Бреслауэр Д.

Горбачев и Ельцин как лидеры / Д. Бреслауэр —
«Библиороссика», 2002 — («Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6046148-2-2

Исследование Джорджа Бреслауэра посвящено анализу и оценке лидерских стратегий М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина. Автор показывает, как им удалось трансформировать, а затем и изменить советскую систему как изнутри, так и в ее отношениях с внешним миром, обеспечить поддержку, своей политике, перехватить инициативу у политических оппонентов, показать себя людьми, способными эффективно решать проблемы страны. Книга вносит существенный вклад в изучение вопросов, связанных с политическим лидерством. Рассчитана на широкий круг читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6046148-2-2

© Бреслауэр Д., 2002
© Библиороссика, 2002

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	11
Укрепление авторитета после Сталина	14
Разрешить неразрешимое: стратегия	17
Как настоять на своем: тактика	19
Укрепление авторитета и публичная политика	20
Этапы правления	23
Стратегии укрепления авторитета: аудитории, источники и резонанс	25
Укрепление авторитета и постсоветская политика	29
Глава 2	31
Горбачев как политическая личность	32
Политические убеждения Горбачева	35
Политическая личность и убеждения Ельцина	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Джордж Бреслауэр Горбачев и Ельцин как лидеры

Посвящаю эту книгу моей жене Иветт Асси Бреслауэр, дочери Мишель, сыну Дэвиду, моей матери Марианне Шеффер Бреслауэр и памяти моего отца Генри Эдварда Бреслауэра.

George W. Breslauer
Gorbachev and Yeltsin as Leaders

Cambridge University Press / Cambridge
2002

Перевод с английского Андрея Разина

В оформлении обложки использовано фото Бориса Бабанова / РИА Новости

© George W. Breslauer, text, 2002
© Cambridge University Press, 2002
© А. В. Разин, перевод с английского, 2021
© Academic Studies Press, 2021
© Оформление и макет ООО «Библиороссика», 2021

Предисловие

В этой книге рассказывается о двух людях, М. С. Горбачеве и Б. Н. Ельцине, на долю которых выпало руководить страной в 1985–1999 годах, в смутное время перехода от советской политики к политике постсоветской. Необычайно было то, с какой скоростью происходили перемены в первой половине этого периода. В 1985 году Советский Союз представлялся нерушимым и вековечным, способным защитить себя от любых нападений; непоколебимой казалась власть КПСС, управлявшей СССР и Восточной Европой и неуклонно следовавшей курсу на соперничество сверхдержав на мировой арене. К концу 1987 года, с началом гласности, средства массовой информации все чаще и чаще начали ставить под сомнение старые догмы, а советское руководство было вынуждено пойти на односторонние уступки Соединенным Штатам по ключевым вопросам национальной безопасности. К концу 1989 года уже состоялись относительно свободные выборы, на которых партийные чиновники лишились своих постов, коммунизм в странах Восточной Европы потерпел крушение, Советская армия вышла из Афганистана, подошла к концу холодная война. К концу 1991 года президентом России стал оппозиционер; с распадом СССР окончательно перестала существовать коммунистическая система, возникла независимая Россия, занявшая по отношению к Западу позицию беспомощного просителя. К концу 1993 года независимая Россия пережила два мучительных года политической и экономической нестабильности внутри страны и пришла к осознанию того, что Запад вовсе не готов оказывать неограниченную помощь в переходе от коммунизма к демократии. Если представить, что кто-то заснул в Москве 1985–1986 годов и проснулся в 1992–1993-м, такие перемены показались бы ему чем-то недоступным для понимания.

Автор не станет утверждать, что все эти перемены стали возможны лишь благодаря именно Горбачеву и Ельцину, но было бы несправедливо отрицать, что все пошло бы совсем иначе, будь тогда у власти другие люди. Их действия как руководителей были решающими. Эти два человека, несомненно, войдут в историю благодаря той роли, которую они сыграли в жизни своей страны на исходе XX века. В этой книге я обращаюсь к следующим вопросам: почему они действовали именно таким образом (главы 1, 2, 11); что позволило им преуспеть в их начинаниях, то есть почему их программы получили поддержку (главы 3–10); как можно оценить их успехи и неудачи как лидеров (главы 12–14)?

Моя главная задача – подробно рассмотреть стратегию лидерства каждого из них. Мой теоретический подход заключается в том, чтобы подчеркнуть ту необходимость выбора, с которой сталкиваются лидеры при создании и поддержании своей политической репутации (своего авторитета как политиков и как людей, способных решать проблемы), а также рассмотреть причины, по которым они выбрали свои политические стратегии и политические программы, и последствия (как ожидаемые, так и непреднамеренные) такого выбора.

Обращаясь к их стратегиям укрепления авторитета, я провожу детальный анализ их публичной риторики, подкрепляя его рассмотрением обширной мемуарной литературы, включая мемуары двух главных героев этой книги, Горбачева и Ельцина. Из этих текстов и связанных с ними действий и сигналов я реконструирую программу того или иного лидера. Я показываю, как каждый из них использовал оценки и предписания, заключенные в его публичных высказываниях, чтобы найти общий язык с целевой аудиторией и теми группами населения, чья поддержка и участие были важны для него на соответствующем этапе его пребывания на руководящем посту. Я показываю Горбачева и Ельцина как лидеров, ведущих непрерывный и изменчивый политический диалог с соратниками и противниками внутри страны и за рубежом – диалог, который в итоге содействовал созданию динамично развивающейся политической жизни. Непосредственной целью такого диалога была политическая коммуникация; более значительная цель состояла в том, чтобы убедить людей, что лидер обладает собствен-

ным видением, имеет идеи и идеалы, которые стоит поддержать, и что у него также имеются политическое мастерство, решимость и воля, чтобы добиться своего. Это были не просто слова. Это были слова, формировавшие репутацию и авторитет и тем самым сильнейшим образом влиявшие на способность управлять. Ричард Нойштадт писал об американском президенте: «Его личность видна во всем, что он говорит и делает. Соответственно, выбор того, что, как и когда следует сказать и сделать, – это его способ сохранять и использовать источники своей силы» [Neustadt 1960: 179].

В соответствии с целями моего исследования, основными его источниками стали публичные заявления указанных лидеров: их официальные выступления в стране и за рубежом, их пресс-конференции, пресс-релизы, а также их неотретированные замечания на публике. Воспоминания их политических партнеров и советников, в свою очередь, помогают понять, как соотносились между собой публичные и частные высказывания этих лидеров. Мемуары Горбачева и Ельцина позволяют лучше узнать их биографии, понять их представления о себе и о том, какую память о себе они хотели оставить. Беседы различных политических деятелей по поводу этих лидеров, некоторые со мной, большинство – с другими исследователями, позволили мне проверить корректность опубликованных источников.

Публичные заявления и мемуары политиков следует воспринимать с большой долей осторожности. Манипулятивная риторика и, по-видимому, ложная информация присутствуют в них в больших дозах. Однако при разумном использовании и внимании к темам, повторяющимся перед различными аудиториями, они являются бесценным источником понимания того, чего пытался достичь лидер на том или ином этапе своего правления. Аналогичным образом, к воспоминаниям людей, работавших с этими лидерами, следует подходить с осторожностью из-за личной заинтересованности их авторов. Некоторые написаны людьми, затаившими обиду; другие – людьми, которые боготворили своего бывшего босса. В одних суждениях ощущается некоторое напряжение, другие источают презрение или переполнены обожанием. Как и все исторические документы, их следует анализировать со здоровой долей скептицизма и с учетом возможной пристрастности.

Но мы можем полагаться на них до тех пор, пока многочисленные источники – публичные и частные сообщения, мемуары противников и сторонников, опубликованные материалы и интервью – сходятся в своих свидетельствах о предпочтениях, склонностях и действиях того или иного человека в определенный момент времени.

Скажем несколько слов об источниках речей и воспоминаний указанных лидеров. Горбачев и Ельцин иногда писали свои речи или заявления самостоятельно, они также импровизировали во время пресс-конференций и незапланированных встреч, но в основном тексты речей им писали команды спичрайтеров. Это не означает, что такие речи нельзя воспринимать в качестве индикаторов их политических стратегий и политических пристрастий. Напротив, оба они, как правило, внимательно следили за содержанием своих речей, даже если сами их не писали, а их спичрайтеры очень хорошо знали, как лидер хотел быть представленным публике. Оба часто редактировали черновики написанных для них речей.

Три главные книги воспоминаний Ельцина появились соответственно в 1990 году (до того как он стал президентом России), в 1994-м (в середине его президентства) и в 2000-м (после его отставки) [Ельцин 1990; Ельцин 1994; Ельцин 2000].

Это ценные источники для понимания личности данного человека, его убеждений и политической стратегии. Все три книги были написаны с помощью В. Б. Юмашева, бывшего журналиста, который стал одним из ближайших помощников, советников и доверенных лиц Ельцина. Ельцин принимал непосредственное участие в составлении и редактировании первой книги воспоминаний, несколько менее активно участвовал в составлении второй (но, вероятно, ее редактировал) и в значительной степени устранился от создания третьей. Тем не менее, учитывая, насколько близок был Юмашев к Ельцину на протяжении стольких лет, можно считать

само собой разумеющимся, что он очень хорошо знал предпочтения и взгляды своего начальника. Он мог формулировать мысли Ельцина, и именно это он и делал, как минимум в третьей книге. По этой причине можно утверждать, что в третьей книге, как и в первых двух, выражены пожелания Ельцина относительно того, каким запомнятся он сам и его президентство. К фактологии по-прежнему следует относиться скептически, но в этом отношении мемуары Ельцина не отличаются от воспоминаний любого другого политика.

Горбачев выпустил несколько книг во время и после своего руководства Советским Союзом. Судя по всему, он очень внимательно следил за их содержанием. Его книга «Перестройка», которая являлась не просто воспоминаниями, а декларацией горбачевской философии, появилась в 1987 году [Горбачев 1987; Gorbachev 1987] и была написана коллективом авторов, с которым сам Горбачев тесно сотрудничал. Его объемные двухтомные мемуары вышли после его отставки с государственной должности, но и в этом случае он вновь активно участвовал в их написании. В личной беседе со мной профессор Арчи Браун (Колледж Святого Антония, Оксфордский университет) сообщил, что, по словам помощников Горбачева, тот беседовал со своими близкими коллегами на определенные темы. Эти беседы были записаны и расшифрованы. Затем Горбачев все прочел и подробно прокомментировал текст. Нередко он противился попыткам других заставить его казаться более дальновидным или «продвинутым» в своем мышлении в тот или иной момент времени, чем он сам полагал. Большинство сказанного в книгах – его собственные слова, записанные суетной речи, а затем проверенные им и исправленные в рукописи.

Воспоминания коллег Горбачева являются преимущественно политическими, а воспоминания коллег Ельцина носят более личный характер. Объяснение тому лежит в различной политической ситуации 1985–1989 и 1991–1996 годов. Коллеги Горбачева вместе с ним работали и бились над решением фундаментальных политических вопросов. Некоторые из них – товарищи по партии, члены Политбюро, некоторые – близкие помощники президента. При этом в своих воспоминаниях и такие помощники Горбачева, как В. И. Болдин, А. С. Черняев, Г. Х. Шахназаров и П. С. Грачев, и такие члены Политбюро, как Е. К. Лигачев, В. А. Медведев, Н. И. Рыжков, В. А. Крючков, А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе, воочию наблюдали за тем, как он пытался манипулировать Политбюро и Центральным комитетом, а позже съездом народных депутатов, чтобы заручиться их поддержкой по тем или иным вопросам. В их воспоминаниях виден Горбачев, который принимает решения и создает коалиции.

Напротив, большинство воспоминаний о Ельцине писали его сторонники (Е. Т. Гайдар, С. А. Филатов, А. В. Коржаков, В. В. Костиков, Ю. М. Батулин, Г. А. Сатаров, Л. Г. Пихоя): мужчины и женщины, которые не были членами отвечающего за принятие решений органа власти, возглавляемого Ельциным. Они редко видели, чтобы он обсуждал политические вопросы с влиятельными политиками и принимал решения на основе консенсуса или по принципу большинства. Ельцин, в отличие от Горбачева, не был подотчетен формальному коллективному руководству. Исходя из этого, большинство ключевых решений Ельцина на посту президента принимались им самим на закрытых совещаниях. Поэтому воспоминания о годах его пребывания у власти, как правило, акцентируют внимание на его личностных качествах и на том, как он обращался с подчиненными или противниками. Это воспоминания более о Ельцине как человеке, чем о Ельцине, принимающем решения и создающем коалиции.

По указанным причинам, когда мы используем мемуарную литературу для исследования политической индивидуальности Горбачева, следует ожидать, что эти воспоминания больше расскажут нам о политической деятельности Горбачева в формальном контексте, нежели о его личных, неформальных контактах и склонностях. Тем не менее мы можем увязать эти свидетельства с другими источниками информации о Горбачеве, в том числе с рассказами людей, которые знали его раньше, что дает возможность составить представление о личной жизни человека. Аналогичным образом, когда мы исследуем процессы принятия решений Ельциным,

нам следует учитывать, что воспоминания его помощников и сторонников помогут нам лишь отчасти. Несмотря на это, анализируя политическую риторику Ельцина в различных выступлениях, проходивших в определенной последовательности, и связывая ее с тем представлением о себе, которое излагается в его воспоминаниях, и с наблюдениями окружающих о его переменчивых настроениях, мы можем восстановить основания многих важных решений, которые ему требовалось принимать.

По этим разнообразным текстам я выявляю внутри- и внешнеполитические программы каждого из лидеров и то, как они развивались с течением времени. Периодически сравнивая и сопоставляя их с аналогичными образцами риторики и поведения Хрущева и Брежнева, которые я проанализировал в своем более раннем исследовании [Breslauer 1982], я пытаюсь углубить наше понимание преемственности и изменчивости советской и российской политики за последние полвека.

Разного размера фрагменты отдельных глав, в настоящее время значительно переработанные, были опубликованы ранее. Фрагменты главы четвертой и части главы пятой появлялись в [Breslauer 1994]. Части главы седьмой появлялись в [Breslauer, Dale 1997], главы восьмой – в [Breslauer 1999]. Переработанные впоследствии части главы девятой были опубликованы в главе «Политическое лидерство Ельцина: зачем вводить войска в Чечню?» книги [Breslauer et al. 1995:1-24]. Большая часть главы тринадцатой в черновом виде появилась в статье «Оценивая Горбачева как лидера» [Breslauer 1989]. Части главы четырнадцатой публиковались под заголовком «Персонализм и процедурализм: Борис Ельцин и институциональная хрупкость российской системы» в [Breslauer 2000]. Части главы двенадцатой, а также фрагменты будущих глав тринадцатой и четырнадцатой выходили под названием «Оценивая Горбачева и Ельцина как лидеров» в [Breslauer 2001].

В течение последних десяти лет множество учреждений поддерживало мои исследования, которые привели к написанию этой книги. Я благодарен Калифорнийскому университету в Беркли, Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Национальному совету исследований Евразии и Восточной Европы за гранты на исследования и поездки. Центр славянских и восточноевропейских исследований Калифорнийского университета в Беркли и его преемник, Институт славянских, восточноевропейских и евразийских исследований, неизменно предоставляли мне идеальные организационные условия и давали возможности для обмена идеями, проявляя ту вовлеченность в работу, без которых неосуществимы никакие амбициозные проекты. Конечно, я не смог бы выпустить эту книгу без поддержки всех этих учреждений. Надеюсь, я оправдал их доверие.

Многие помогали мне с критикой ранних черновиков всей рукописи. Я рад возможности поблагодарить их здесь: Ричарда Д. Андерсона, Арчи Брауна, Валери Бане, Тимоти Колтона, Кейт Дарден, М. Стивена Фиша, Джеймса Гольджайера, Стивена Хэнсона, Джеффри Копштейна, Дэвида Лэйтина, Джеймса Рихтера, Ричарда Сэмюэlsa, Илью Винковецкого, Эдварда Уокера, Лукана Уэя и Стивена Уайта. Вся ответственность за конечный продукт полностью лежит на мне.

Я также не могу не отметить роль многочисленных аспирантов Калифорнийского университета в Беркли, благодаря помощи которых в исследованиях я на протяжении многих лет собирал материалы. Четыре аспиранта не просто собрали материалы, а пошли гораздо дальше; они в существенной степени помогли мне в их анализе. Я благодарен Кэтрин Дейл, в соавторстве с которой я написал статью, послужившую основой для частей главы седьмой. Я также благодарю Мэтью Дж. фон Бенке, Леонида Киля и Илью Винковецкого. Илья, в частности, заслуживает особой благодарности как за все то время, которое он на это потратил, так и за исключительные аналитические способности, которые он задействовал в изучении нами различных речей и воспоминаний.

Наконец, я благодарен своей семье за их терпение, поддержку, хорошее настроение и неподдельный энтузиазм на протяжении столь длительного времени. Мои дети, Мишель и Дэвид, выросли на «Горби» и «Борисе». Все 25 лет нашего с Иветтой брака где-то рядом с нами всегда были четыре «приятеля», умолявшие о внимании: Никита, Леонид, Михаил и Борис. В целом наша жизнь всегда была гармоничной и спокойной. Советская и российская политика, постоянный предмет моего интереса, давала мне темы для размышлений. С Иветт, Мишелем и Дэвидом, этими тремя лучшими друзьями, прекрасен был каждый день; что может быть лучше, чем возвращаться домой к близким людям.

Глава 1

Стратегии лидерства в советской и постсоветской политике

Чтобы добиться того, что им удалось, Горбачеву и Ельцину пришлось преодолеть множество препятствий на пути к переменам. Для этого от них требовалось проявить лидерство, которое я определяю как процесс, направленный на то, чтобы растянуть границы социальных ограничений ради достижения социальных целей¹. Имеется несколько видов таких ограничений: 1) организации, институты и процессы, структурирующие политику и управление; 2) материальные интересы отдельных лиц и групп; 3) идентичности, идеологии и культуры отдельных лиц и групп. Обычно в устоявшейся или укоренившейся, закостеневшей системе эти ограничения взаимно усиливаются. Идеологии и культуры служат оправданием институтов и процессов, структурирующих как политическую жизнь, так и распределение материальных вознаграждений среди населения. Эти институты и процессы обеспечивают сохранение политики, ориентированной на преобладающую идентичность и воспроизводящей существующие модели социального и политического неравенства.

Сталинская система была именно такой укоренившейся системой, но некоторые из особенностей этой системы ненадолго пережили смерть ее основателя. Преемники Сталина отвергли продолжение массового террора и жесткой экономии, деспотическое правление и постоянную конфронтацию с капиталистическим миром. Вдобавок к этому им пришлось иметь дело с проблемой реформирования (Хрущев, 1953–1964), адаптации (Брежнев, 1964–1982) или трансформации (Горбачев, 1985–1991) советской системы монополистической власти коммунистической партии и политики «антиимпериалистической борьбы» за рубежом, тогда как Ельцин (1989–1999) стремился полностью разрушить эту систему и заменить ее работоспособной альтернативой.

В своей ранней книге я рассматривал стратегии, примененные Хрущевым и Брежневым для реформирования и адаптации советской системы [Breslauer 1982]². В настоящем исследовании я переключаю внимание на их преемников. Обе книги посвящены теме реализации лидерства, но здесь я фокусируюсь на его более сложном и более широком варианте, который именуется «трансформационным лидерством».

Общим характеристикам трансформационного лидерства посвящена обширная литература по организации управления в частных корпорациях³, бюрократических структурах [Doig, Hargrove 1967] и государстве [Burns 1978; Gardner 1995]. Определения этого понятия разнятся, но обычно они включают в себя процесс фундаментального изменения культуры и принципов

---

¹ Определение лидерства как процесса «растягивания ограничений» (англ. *stretching constraints*) см. у Уоррена Илчмана и Нормана Апхоффа [Ilchman, Uphoff 1969].

² См. также [Richter 1994; Anderson 1993]. Рихтер и Андерсон в своих исследованиях применили мою концепцию к внешней политике при Хрущеве и Брежневе и обнаружили, что модели, которые я выделил во внутренней политике, в равной мере наблюдаются и в политике внешней. Кроме того, Андерсон разработал и обогатил эту концепцию, синтезировав теорию принятия решений новым способом и тем самым подкрепив наши выводы с помощью дедуктивной логики. Уильям Томпсон опубликовал политическую биографию Хрущева, где он использовал архивные источники, ставшие доступными благодаря гласности [Tompson 1995]. В книге Томпсона не ставилась цель проверить какую-либо теорию или хотя бы увязать закономерности и результаты изысканий с существующей западной литературой о Хрущеве. Тем не менее его периодизация правления Хрущева хорошо согласуется с моими выводами, равно как и его защита политики Хрущева. С. Н. Хрущев [Хрущев 2003] в своем солидном исследовании-мемуаре сосредоточен на внешней политике; его книга – ценный источник информации о приоритетах внешней политики Н. С. Хрущева, его миропонимании и чувствах. В то же время она не дает глубокого понимания сути и эволюции политических стратегий и представлений Хрущева, возможно потому, что, как автор отмечал в своей более ранней книге, отец нечасто доверял членам семьи сведения о кремлевской политике [Khrushchev 1990: 186–187].

³ Напр., [Selznick 1957; Tichy, Devanna 1986].

упорядочивания управляемых единиц. Добиться этого – непростая задача. Чтобы произвести такие изменения, лидер должен предпринять несколько действий:

- Публично заострить внимание на несовместимости возникающих детерминирующих внешних факторов, с одной стороны, и текущих принципов и культурных особенностей – с другой.
- В общем виде представить альтернативное видение политической организации и политической культуры, которые будут способны восстановить гармоничные взаимоотношения между трансформированной единицей управления и ее внешней средой.
- Мобилизовать заинтересованные группы в поддержку этого видения.
- Предотвратить саботаж трансформации со стороны защитников существующего порядка.
- Провести в жизнь конкретные программы, которые приведут к замене существующего порядка на лучшим образом приспособленный к детерминирующим внешним факторам завтрашнего дня.

Но лидеры – будь то приспособленцы, реформаторы или преобразователи – должны делать нечто большее, чем просто задумывать и реализовывать видение лучшего будущего. Они также должны убедить свою публику в том, что они, и только они, обладают навыками, необходимыми для того, чтобы повести страну к реализации своего видения. Следовательно, их цели являются как публично программными, так и личными. Они одновременно пытаются убедить большое количество людей в том, что их программа перемен желательна и осуществима, и в том, что для реализации этих перемен им необходимо занять высший пост. Эти два акцента, программный и личный, взаимно усиливают друг друга. Чем больше лидер вдохновляет людей верить в его программу, тем больше эти люди будут склонны верить в его компетентность как лидера. Чем больше они верят в его компетентность, тем больше у него свободы действий для принятия и реализации своей программы. И чем эффективнее он реализует свою программу, тем с большим энтузиазмом люди поверят как в его видение, так и в его лидерские качества. Я называю этот интерактивный процесс убеждения, вдохновения и взаимной идентификации «укреплением авторитета».

Укрепление авторитета – не то же самое, что сосредоточение власти в своих руках, хотя лидеры в конкурентных политических системах пытаются делать и то и другое. Я использую здесь термин «авторитет», говоря о власти легитимной, заслуживающей доверия⁴. Укрепление авторитета – это процесс, посредством которого лидеры стремятся к легитимации своих политических программ и демонстрируют свою компетенцию или свою незаменимость в качестве решателей задач и политических деятелей. Заинтересованность в укреплении власти предполагает, что тактика устрашения и подкупа не всегда эффективна в деле мобилизации политической поддержки, если лидер в целом воспринимается как некомпетентный или заменимый. Лидер может удерживать свою власть с помощью запугивания и подкупа. Этих методов может быть достаточно для сохранения власти при таких деспотических и деидеологизированных режимах, которые преобладали, скажем, на Кубе при Батисте или в Никарагуа при династии Сомоса. Но запугивания и подкупа, хотя они и характерны для политического процесса в большинстве систем, обычно недостаточно, чтобы добиться цели при таких недеспотических идеологизированных режимах, как Советский Союз после Сталина. Такие режимы вынуждены терпеть законную политическую конкуренцию (будь то внутри олигархической элиты или внутри всеобщей либеральной демократии) и находят себе оправдание в идеологических рамках. В таких контекстах способность лидера проводить в жизнь изменения не может расти сверх опре-

---

⁴ Это не стандартное словарное определение «власти» (англ. *authority*); скорее оно соответствует формулировке Амитая Этzioni [Etzioni 1968: 360], который определяет это понятие как «легитимная власть».

деленного уровня только на основе подкупа и запугивания. Он также должен строить свою власть, демонстрируя способность проводить в жизнь изменения, которые будут апеллировать к убеждениям, идентичности и культурной ориентации целевых групп.

Чтобы подробнее рассказать о процессе укрепления авторитета, сформулировать гипотезы, подходящие для рассмотрения вопросов, связанных с лидерством Горбачева и Ельцина, а также создать фон для понимания тех ограничений, с которыми столкнулся Горбачев, придя к власти, я начну с обзора стратегий лидерства Хрущева и Брежнева. Хотя ни один из них не был лидером-трансформатором, их правление является примером двух различных стратегий укрепления авторитета в системе советского типа, а общие для них ограничения стали в 80-х годах наглядными уроками как для Горбачева, так и для Ельцина.

Укрепление авторитета после Сталина

Для того чтобы выйти за рамки сталинизма, советской системе требовался лидер, склонный к осуществлению значительных перемен. Что бы ни думали политические преемники Сталина о желательности и необходимости «развитого сталинизма», большинство из них не считало возможным сохранение этой системы после его смерти. Они считали неприемлемым уровень напряженности в обществе, сложившийся в результате полицейского террора, лагерей ГУЛАГа, переполненных политзаключенными, изнурительного ритма жизни и крайне жесткой экономии. Большинство из них считало нежелательным такое положение дел, при котором тайная полиция, это государство в государстве, могла быть использована против них новым Сталиным. Большинство опасалось, что постоянная конфронтация с капиталистическим миром может привести к ядерной войне.

Результатом этих разделяемых ими серьезных опасений стало принятие серии быстрых решений, призванных снизить уровень напряженности внутри страны и за рубежом: арест и казнь главы тайной полиции и его ведущих помощников, провозглашение нового курса для советских граждан и ряд примирительных жестов в отношении Соединенных Штатов и их союзников. Это был переломный момент, отразивший быстро возникающие и развивающиеся настроения в руководстве. Результатом стало то, что я назвал «постсталинским консенсусом» [Breslauer 1982: 18]. Этот консенсус оставался в силе вплоть до распада СССР. Насколько нам известно, в последующие 38 лет Политбюро ни разу в ходе своих заседаний не рассматривало всерьез вариант возврата к эксцессам сталинизма. Этот новый консенсус был одновременно политическим и экономическим, внутренним и международным; он вселял новую уверенность как в население в целом, так и в правящую элиту.

Постсталинский консенсус, однако, был в основном негативным. Действительно, он сулил населению новую эру физической безопасности и материального благополучия. Он также отчасти делал основой легитимности режима улучшение уровня жизни населения. Но больше ничего в нем не уточнялось. Это оставляло много места для фундаментальных разногласий между советскими лидерами относительно будущих целей, к которым следует стремиться, цены, которую придется заплатить различным внутренним заинтересованным группам за реализацию этих целей, и жертв, которые придется принести для достижения новых целей в ущерб традиционным ценностям. Также оставалось неясным, как конкурирующие политики будут оправдывать разрыв со сталинизмом и свои программы по выходу за его рамки.

Дело в том, что при этом режиме идеи имели огромное значение. Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) на протяжении десятилетий изображала всю советскую историю как воплощение грандиозного замысла построения утопического общества в стране и за ее пределами⁵. Партия узаконила свою политическую монополию, заявив, что обладает исключительным пониманием того, как достичь этой утопической цели. Следовательно, если необходимо было порвать со сталинизмом, надлежало объяснить, почему в данный момент потребовалось изменение курса. Возможно, не было необходимости очернять исторический образ Сталина и противодействовать устоявшимся интересам и убеждениям сталинистов, препятствовавших изменению курса. Но, безусловно, необходимо было объяснить это изменение в идеологическом ключе и растолковать причины, по которым сталинское наследие стало тормозом для движения вперед, к хорошему обществу. Это противоречие между очевидной необ-

---

⁵ Об этом неплохо сказано у Михаила Хеллера и Александра Некрича [Heller, Nekrich 1986], а также у Мартина Малиа [Malia 1994].

ходимостью движения вперед и приверженностью традиционным ценностям будет в последующие десятилетия оставаться в центре политического конфликта⁶.

Когда руководство отказалось от перегибов сталинизма, на первый план вышли более глубокие вопросы о ленинском наследии. Как предотвратить перерастание критики сталинизма в критику самих истоков этой системы, кроющихся в ленинизме? Как не допустить того, чтобы расширенное политическое участие общества бросило вызов руководящей и направляющей роли партии и ее монополии на политическую, экономическую и социальную жизнь? Как приструнить тайную полицию и сузить определение политического преступления, не признавая при этом обоснованную замену старой системы на новую, основанную на верховенстве закона? Как улучшить экономику без ее реальной децентрализации, которая может поставить под сомнение святость централизованного планирования и право партийных чиновников вмешиваться по своему усмотрению в административное управление? Как заключать сделки с «империалистами», поддерживая ядерный паритет, но не отказываясь от своих обязательств по руководству «борьбой против империализма» и от ведущей роли в мировом коммунистическом движении?

Эти противоречия между целями постсталинской эпохи и более глубоким наследием ленинизма не оказались сразу очевидны для советских лидеров. Но по мере того, как послабления в отношении свободы слова и печати все более расширялись при Хрущеве и Брежневе, все больше представителей критически настроенной интеллигенции поднимало вопросы о совместимости некоторых черт советского ленинизма с достижением новых целей. Следовательно, политический конфликт при Хрущеве и Брежневе редко состоял в том, преследовать эти новые цели или нет. Скорее, речь шла о той цене, которую необходимо заплатить с точки зрения традиционных ценностей при их реализации. В результате, укрепляя свой авторитет, партийный лидер редко выбирал между традиционными ценностями и новыми целями; вместо этого он стремился синтезировать эти два аспекта либо скомпилировать комплексы мер, позаимствованные у каждого из них. И Хрущев, и Брежнев стремились продемонстрировать свои политические таланты и программное видение, выработав политику, предположительно способную достичь целей постсталинского периода, не подрывая при этом легитимности и стабильности монополистической системы во главе с компартией.

Оправдать такой сплав было несложно. Советская политическая традиция была многогранной и противоречивой, она содержала как «реформистские», так и «консервативные» направления [Cohen 1979]. Тем не менее для разнообразия, легко принимаемого этой традицией, существовали пределы. Марксизм-ленинизм не мог допустить создания общественной системы, основанной на политической свободе, преобладании рыночной координации и частной собственности в экономике или на окончательном примирении с империализмом на мировой арене. Таким образом, преемники Сталина столкнулись с проблемой разработки новаторской политики, которая позволила бы выйти за рамки сталинизма, без того чтобы принять классические либеральные подходы к внутренней и внешней политике страны. Только после 33 лет экспериментов с попытками реформирования и адаптации системы в этих пределах

---

⁶ Чрезвычайная важность подведения подо все идеологической базы в коммунистических режимах – главная причина, по которой мы уделяем так много внимания публичным заявлениям лидеров при изучении политики этих режимов. Из-за канонизации Сталиным мыслей и слов Ленина слова лидеров в этих обществах стали играть ключевую роль в актах политической коммуникации и координации. Это было известно всем чиновникам и большинству граждан. Поэтому чиновники, в частности, очень внимательно вчитывались в слова лидеров на предмет мелких вариаций в значении и тексте. Они разбирали различные нюансы фраз для постижения более глубокого смысла. Когда западные кремленологи использовали ту же технику для подтверждения изменений в курсе и политике, над ними на Западе нередко насмеялись, ошибочно полагая, что речи лидеров коммунистических режимов можно читать, по существу, так же, как речи лидеров либеральных демократий. Фактически кремленологи относились к этим выступлениям так же, как и коммунистические партработники. Поразительно, сколько мемуаров, опубликованных за последние десятилетия, относят речи и газетные статьи к ключевым моментам советской политики.

в Политбюро появились лидеры, готовые добиваться чего-то более существенного: чего-то, что бросало вызов монополии партии внутри страны и ее антиимпериалистической миссии за рубежом. В этот момент реформы превратились в трансформацию системы и в конечном итоге ее замену альтернативной. В этот момент и сама система начала распадаться.

Разрешить неразрешимое: стратегия

Хрущев изначально стремился продемонстрировать, что повышения удовлетворенности потребителей можно достичь без массового перераспределения средств из военной и тяжелой промышленности. Он также стремился доказать, что сокращение бюрократического централизма может быть достигнуто без потери административного контроля и что расширение критики чиновничества вполне совместимо с сохранением жесткого политического контроля и строгой цензуры. По его мнению, ключом к синтезу этих противоречивых приоритетов было сочетание частичной политической либерализации с сокращением социально-экономических привилегий партийных чиновников, расширением роли рядовых партийцев за счет сокращения числа партийных функционеров и формированием общенародного энтузиазма посредством амбициозных кампаний, ведущих к социальным преобразованиям и экономическому росту. Однако перестройка политических отношений внутри системы требовала конфронтации с заинтересованными могущественными политическими группами, что было одной из причин, по которым Хрущев проводил кампании против Сталина и его наследия. К моменту свержения Хрущева в 1964 году Советский Союз решительно порвал с крайностями сталинизма. Но у Хрущева было гораздо меньше возможностей продемонстрировать свои усилия по обеспечению советских людей материальным изобилием, социальным равенством и чувством подлинного политического участия.

Авторитет Брежнева в политическом истеблишменте основывался на программе, которая заменила политические и социальные реформы Хрущева патриотическими призывами («советский патриотизм») и перераспределением бюджета. Вместо того чтобы реструктурировать отношения между ветвями власти, Брежнев предлагал ускорить экономический рост, вкладывая огромные ресурсы в сельское хозяйство, повышение заработной платы, развитие Сибири и импорт иностранных товаров. Он стремился примирить политический контроль с «социалистической законностью», приглушая антисталинскую кампанию, принимая жесткие меры против диссидентов и при этом одновременно создавая более предсказуемую и менее подверженную давлению среду для политически конформистских специалистов. Брежнев выбрал для себя роль создателя консенсуса внутри истеблишмента, который не станет противостоять основным институциональным интересам в системе (или радикально их оспаривать).

Невзирая на их различия, и Хрущев, и Брежнев были «людьми партии». Ни один из них не был поборником демократического плюрализма или отказа от «ведущей роли партии». Оба разрабатывали программы, реализация которых во многом опиралась на партийный активизм и требовала политического вмешательства партии в экономику и социум для реализации этих программ. Оба стремились вызвать общенациональный энтузиазм в отношении своих программ. Отказ от утопических ценностей после Хрущева не означал отказа от попыток вызвать мобилизационный пыл как таковой. (Напомним, что при Брежневе строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали было названо «проектом века».) Разница заключалась в том, что Хрущев стремился переопределить характер партийной мобилизации в антиэлитарном направлении, тем самым оспаривая прерогативы партийных аппаратчиков. Он выступал за новые методы мобилизации, во главе которой должны были стоять активные члены партии и специалисты. Напротив, Брежнев защищал методы мобилизации, которые способствовали бы достижению постсталинских целей, не оспаривая прерогатив и привилегий штатных должностных лиц слитого с партией государства.

Внешняя политика обоих лидеров различалась меньше, чем внутренняя. Оба придерживались стратегии «наступательной разрядки»⁷. Оба решили укреплять свой авторитет, показав, что способны составить глобальную конкуренцию «империализму» и одновременно заключать сделки с Соединенными Штатами в сфере регулирования ядерных вооружений. Оба пообещали делать это с позиции силы и добиваться признания Вашингтоном СССР как равной ему глобальной сверхдержавы. В общем, оба обещали обеспечить мир посредством силы. Хрущев, однако, пообещал гораздо больше, чем мог реально сделать в ближайшем будущем, и попытался компенсировать этот недостаток блефом: например, публичное преувеличение возможностей советских ракет, которое должно было запугать западных лидеров и заставить их пойти на уступки. Когда его блеф был разоблачен западными правительствами, он занял в политике оборонную позицию как дома, так и за границей, и начал искать новые способы вернуть доверие. В 1963–1964 годах, напуганный непосредственной угрозой ядерной войны во время кубинского ракетного кризиса и отчаянно желая добиться успеха, который укрепил бы его авторитет в ЦК партии, Хрущев начал вести внешнюю политику, практически чреватую отказом от обязательств СССР перед союзниками по мировому коммунистическому движению. Он так отчаянно нуждался в «мире», что был готов отказаться от «силы» [Richter 1994: 7].

Преемники Хрущева отошли от этой политики, отчасти из национальной гордости, отчасти потому, что военная эскалация США во Вьетнаме укрепила позиции сторонников жесткой линии в руководстве. Брежнев отказался от блефа и сознательно стремился к созданию необходимой военной мощи, чтобы Советский Союз мог играть роль равноправной сверхдержавы и глобальной интервенционистской силы. Только после этого он возобновил отношения разрядки с Соединенными Штатами. Брежнев также подтвердил обязательства Советского Союза перед его коммунистическими союзниками и пообещал выстраивать разрядку с империалистическим лагерем так, чтобы на деле продвигать цели мирового коммунистического движения.

Хрущев в октябре 1964 года был отстранен от должности и подвергся критике как за свою политику, так и за стиль руководства; Брежнев умер на своем посту, но лишь после долгого периода, который впоследствии получил в стране и за рубежом название «застой». Таким образом, ни одному из них не удалось разрешить неразрешимое: совместить монополию коммунистической партии на власть с политикой, способной оживить укоренившуюся, чрезмерно бюрократизированную систему внутри страны и не отстать от Соединенных Штатов за рубежом. Их политические программы, равно как и резервные позиции, которые они заняли после дискредитации их первоначальных программ, оказались неспособны улучшить общее состояние экономики, обеспечить общественный подъем или укрепить позиции Советского Союза за рубежом.

---

⁷ Термин придуман Джеком Снайдером [Snyder 1987/88: 103].

Как настоять на своем: тактика

Хрущев, реформатор, придерживался стиля руководства, который был направлен против истеблишмента и являлся конфронтационным. Такой стиль можно было бы назвать «ленинским популизмом». Он мобилизовал массы против «бюрократов». Брежнев, консерватор, избрал стиль руководства с опорой на истеблишмент и стремлением к консенсусу. Это были разные подходы к лидерству в постсталинской ленинской системе.

Стратегия Хрущева заключалась в том, чтобы использовать атмосферу кризиса после ухода Сталина с целью объединения с массами против враждебных сил внутри истеблишмента. Он играл на страхах элиты перед социальными беспорядками, намеренно вселяя надежды у населения или досрочно оглашая политические предложения, а затем доказывая политической элите, что растущее недовольство населения делает принятие этих предложений необходимым. Он допускал утечку протоколов заседаний Политбюро избранной заинтересованной аудитории, чтобы поставить в неловкое положение других участников процесса выработки политического курса. Он приглашал представителей интеллигенции присоединиться к нему в критике доставшегося им в наследство порядка. Он приглашал нечленов присутствовать или выступать на заседаниях Центрального комитета партии, чтобы направить дискуссию в определенное русло и припугнуть скептиков. Когда его политика начала давать сбои и он больше не мог выполнять свои многочисленные обещания, Хрущев усилил антисталинскую кампанию, обвинил в неудачах партийных и государственных чиновников, зачистил многих из них и начал наступление на партийные органы на всех уровнях иерархии.

Отказ Брежнева от политического популизма, а также больший упор на вливание денег ради решения проблем соответствовали его позиции сторонника консенсуса и политического посредника между заинтересованными группами внутри истеблишмента. Его цели были консервативными, а его стратегия лидерства соответствовала этим целям. Он старался не апеллировать к массам поверх голов своих коллег, чурался играть на страхах элиты перед массами и остерегался разжигать потребительские ожидания ради личной политической выгоды. Вместо этого Брежнев представлялся лидером, лучше всех умеющим создавать коалиции, способные побудить наиболее влиятельные институциональные группы, имеющие собственные интересы, переориентироваться и заставить систему, сохраняя свою структуру, работать более эффективно. И все это он обещал сделать без политических чисток.

Укрепление авторитета и публичная политика

Контраст между этими двумя лидерами в стратегиях укрепления авторитета указывает на одну особенность советской системы, критически важную для понимания дилемм и возможностей, стоявших перед Горбачевым и Ельциным. Советский политический порядок был основан на жестко укрепленной системе *частной политики*. Обсуждение важных тем и принятие решений происходило в высших кругах партийно-государственной иерархии, где доминировали представители привилегированного класса профессиональных партийных чиновников, экономическая бюрократия, военные и спецслужбы. В порядке вещей были преобладание секретности и видимость единодушия. Такой лидер, как Брежнев, привыкший заниматься посредничеством в отношениях между заинтересованными группами элит, мог без труда приспособиться к установившимся нормам. Но такому лидеру, как Хрущев, который стремился реформировать систему и бросить вызов некоторым ее основам, приходилось нарушать нормы секретности и единодушия. Чтобы противостоять прерогативам укоренившихся заинтересованных групп, ему необходимо было мобилизовать новые общественные силы, предложить пересмотреть догмы и бросить вызов некоторым священным коровам сталинского учения. Это не было вопросом выбора. Если он хотел реформировать систему (что было вопросом выбора), его стратегия по укреплению авторитета должна была поставить под сомнение представление о том, что политика является полностью частным делом. В противном случае он остался бы в слишком большой степени пленником заинтересованных групп, доминировавших в советском политическом истеблишменте.

Лидерам, стремившимся выйти за рамки реформ и *трансформировать* систему, надо было использовать еще более далеко идущие стратегии для создания политического влияния. Им пришлось бы бросить вызов нормам частной политики в еще большей степени, чем это сделал Хрущев. Действительно, одной из центральных проблем эпох Горбачева и Ельцина было создание автономного публичного пространства: превращение политики из частного дела в общественное. Горбачев в итоге счел более свободное слово (гласность), большую свободу объединений, более свободную прессу и конкурентные выборы необходимыми для оживления системы, пробуждения общества и нейтрализации укоренившихся групп со своими интересами, способных помешать преобразованию советской системы в своего рода «социалистическую демократию». Для Ельцина эта публичная арена стала его билетом к политическому возрождению в 1989 году и той дорогой, которая впоследствии приведет его в кресло президента России. Задача Горбачева в ходе укрепления власти заключалась в том, чтобы создать публичную арену, не разрушая систему, которую он пытался мирным путем преобразовать. Возможности для укрепления авторитета Ельцина в 1980-е годы заключались в использовании этой публичной арены, чтобы поставить в невыгодное политическое положение Горбачева. Но дилеммой Ельцина по укреплению власти после распада Советского Союза стала следующая: как построить новую систему в условиях жесткой публичной политической конкуренции?

Расширение арен политического конфликта может быть необходимым условием как реформы, так и трансформации системы, но такое расширение – условие далеко не достаточное; действительно, оно может быть использовано и в реакционных целях. Для Мао Цзэдуна, например, мобилизация хунвейбинов во время Культурной революции стала способом сломать бюрократический консерватизм и подавить инакомыслие. Только когда подобное расширение сочетается с либерализацией возможностей политического самовыражения, оно может служить делу прогрессивной реформы или трансформации системы. Только когда публичным аренам будет предоставлена некоторая степень автономии, политический конфликт на этих аренах может послужить прогрессивной трансформации системы. В таких условиях диссидент-

ские или «ревизионистские» идеи начинают играть причинную роль, делая изменения возможными и формируя направление этих изменений.

Лидеры, желающие перехватить политическую инициативу для реформирования или трансформации системы, нуждаются в союзниках за пределами политического истеблишмента. Им необходимо мобилизовать новые общественные силы, чтобы использовать их в качестве клина в наступлении на укоренившиеся консервативные силы. Для режимов, в которых важны идеи, активизация таких общественных сил должна быть легитимизирована, наряду с созданием каналов, посредством которых их голоса могут быть услышаны. Следовательно, советские лидеры, со времен Сталина стремившиеся реформировать или трансформировать политику, должны были изменить и язык, и арену противостояния.

Например, антисталинская кампания Хрущева, начавшаяся в 1956 году и продолжавшаяся до конца его правления, была направлена на преодоление «бюрократизма», который, как он утверждал, был основным препятствием на пути прогресса. Его кампания подвигла журналистов и представителей культурной интеллигенции на публичную критику существующего положения дел. Многие из этих работ граничили с критикой системы руководства – упорядочивающих принципов государственного устройства, – в отличие от привычной тенденции обвинять во всех проблемах отдельные недостатки тех или иных должностных лиц. Таким образом, при Хрущеве допустимому объяснению неудач было позволено подняться на гораздо более высокий уровень обобщения. Его доктринальные нововведения на партийных съездах 1956, 1959 и 1961 годов предоставили интеллектуальное пространство членам недавно возрожденной «критической интеллигенции», чтобы еще больше продвинуть свою критику системы. В конце концов эти критики пошли дальше, чем Хрущев мог допустить, как в личном, так и в политическом плане. Периодически он подавлял и пытался ограничить допустимые пределы критики, но лишь для того, чтобы вновь расширить их, продвигая свою программу реформ.

Цели Брежнева как консолидатора системы не требовали от него расширения ни политической арены, ни уровня обобщения критики. Напротив, Брежнев превратил политическую деятельность на высшем уровне в менее прозрачную и более герметичную, чем это было при Хрущеве, и добросовестно работал в установленных границах. Он также положил конец антисталинской кампании, отменил ранее внесенные изменения в доктрины и ограничил допустимую критику внутрисистемными уровнями. Такой подход к структуре и языку политики хорошо соответствовал целям консервации и консолидации.

Горбачев, в свою очередь, стремился преобразовать систему в еще большей степени, чем даже Хрущев. Поэтому его кампания за гласность позволила масштабам допустимой критики подняться до беспрецедентного уровня. Хотя Горбачев, как мы увидим далее, опасался, что чрезмерная критика сталинского прошлого может нанести ему политический урон, тем не менее он побуждал критически настроенную интеллигенцию поддерживать его доктринальные нововведения и развивать все более системную критику текущих проблем. Он надеялся, что более свободная публичная критика будет стимулировать инициативу образованной молодежи, выявит бюрократические препятствия и укрепит легитимность зарождающегося политического порядка. Эта критика также позволит создать группу сторонников, которые будут оказывать Горбачеву политическую поддержку и на которых он сможет ссылаться, чтобы запугать поборников политического отката назад.

Ельцин использовал новые арены и публику, вызванные к жизни Горбачевым, и способствовал их радикализации гораздо больше, чем того желал Горбачев. Более того, он сам основал такие новые арены, как должность президента России, и помог превратить критику старого режима в отрицание всей коммунистической системы. При этом он политически обошел Горбачева и, намеренно или нет, помог и свергнуть его, и разрушить советскую систему, и уничтожить СССР.

И реформистское, и трансформационное руководство в монополистической ленинской системе нуждается в лидере для распространения новых «еретических» идей, создания новых публичных арен и мобилизации социальных сил, ранее не допускавшихся в политику. Такое лидерство требует стратегически сфокусированной общественной критики, чтобы ослабить противников перемен, и нуждается в новых сторонниках, чтобы обеспечить новую политическую основу для нового политического строя. Все это в некоторых отношениях противоречит здравому смыслу. Крайне рискованно подвергать *собственную* систему критике и вводить в политику новые, непредсказуемые социальные силы и радикальные идеи. Ни один лидер не может с легкостью предсказать или контролировать последствия. Для лидера, озабоченного лишь удержанием власти, есть другие (и гораздо более безопасные) способы проведения своей политики. Но в определенный момент, когда политическая система погрязает в стагнации, позиция поддержания стабильности может оказаться неудачной в качестве стратегии укрепления власти, несмотря на те же самые возможности для запугивания, распределения привилегий и создания коалиций вокруг материально заинтересованных групп, позволявших предыдущим лидерам сопротивляться переменам. Когда эта точка достигнута, выигрышная политическая стратегия – это пропаганда «идеи, время которой пришло».

Подводя итоги, отметим, что реформирование или преобразование советского политического строя требовало изменений в политике, политической организации и политическом языке; изменения только одного из этих факторов было бы недостаточно. В устоявшихся системах господствующие идеологии и структуры обычно подкрепляют друг друга. Поэтому лидеры, которые хотят преодолеть ограничения на изменения, должны действовать на двух уровнях: 1) они должны создавать коалиции материально заинтересованных групп для поддержки необходимых изменений в политике и политической организации; и 2) они должны пропагандировать новые идеи, лишаящие легитимности старый способ ведения дел и создающие новую легитимность для новых способов. Суть проблемы состоит в том, как изменить систему или построить новую, не жертвуя при этом своим авторитетом и властью.

Этапы правления

Я отметил сходства и различия между Хрущевым и Брежневым в их подходах к решению проблем и политике. Я лишь намекнул на то, что правление того и другого прошло по крайней мере три различных этапа. Каждый этап отражал задачи по укреплению авторитета, с которыми сталкивался лидер в соответствующий момент своего пребывания в должности, и каждый этап был отмечен особым подходом к решению проблем и к политическому самооправданию лидера. Трехэтапные ритмы изменений в рамках каждого правления подразумевают изменение политических стимулов и возможностей, по мере того как политики осуществляют свое руководство. Это будет актуально и в ходе нашего анализа дилемм, с которыми Горбачев и Ельцин столкнулись на аналогичных этапах каждый своего правления.

Оглядываясь назад, на годы Хрущева и Брежнева, мы обнаруживаем в случае с каждым, что этап политической борьбы за престолонаследие и консолидации власти сменялся периодом восхождения партийного лидера, за которым, в свою очередь, следовало разочарование в его программных целях и падение его авторитета. Каждый этап ставил перед лидером особую задачу по укреплению авторитета. На первом этапе – до того как он консолидировал свою власть, обошел своих соперников с флангов или усилил свою роль, став главным архитектором внутренней и внешней политики, – лидер партии сосредотачивался на создании коалиции, ориентированной на традиционные интересы. Таким образом, на этом начальном этапе и Хрущев, и Брежнев самым решительным образом выступали за развитие тяжелой промышленности и обороны. Оба они указывали на угрозы со стороны «империалистов» и более акцентировали защиту традиционных ценностей, нежели принятие новых подходов. Оба лидера также вводили политические новшества, чтобы привести в порядок дела, унаследованные от их предшественников. В частности, оба выступили с крупномасштабными программами развития сельского хозяйства, которые подавались как необходимые для обеспечения надежного снабжения продовольствием городского населения. В то же время оба лидера пытались перехватить инициативу, навесив ярлык «экстремизма» на своих политических соперников, подразумевая, что эти соперники были либо слишком консервативны, либо слишком радикальны, чтобы защищать традиционные ценности и одновременно двигать страну вперед.

Однако после консолидации своей власти и чистки (Хрущев) или оттеснения своих соперников (Брежнев) оба они расширили собственные роли и выборочно включили в свои программы элементы политики, связанной с теми из их побежденных соперников, кто был наибольшим реформистом. Каждый из них предложил всеобъемлющую программу будущих перемен как во внутренней, так и во внешней политике, представлявшую собой более сбалансированный синтез традиционных ценностей и новых подходов, чем тот, что они отстаивали ранее. Оба лидера теперь заявляли, что говорят от имени «всего народа».

В обоих случаях, однако, такой синтез оказался чересчур оптимистичным и неработоспособным. У Брежнева он был, по-видимому, менее амбициозным и оптимистичным, чем у Хрущева, и этот факт говорит о консерватизме Брежнева, его политической зависимости от защищающего себя политического истеблишмента и уроках, усвоенных им из опыта Хрущева. Программа Брежнева тем не менее оставалась весьма оптимистичной; в ней было обещано развитие производства как в тяжелой, так и в легкой промышленности и одновременно обеспечение разрядки в отношениях с империалистами и усиление соревнования систем в третьем мире.

Из-за возникшего разрыва между их обещаниями и достижениями достоверность утверждений Хрущева и Брежнева оказалась поставлена под сомнение. Затем каждый попытался восстановить свой авторитет, перетасовать коалицию своих сторонников и пересмотреть свою

программу. Каждый лидер пережил несколько периодов таких изменений за оставшиеся годы пребывания у власти⁸.

Годы правления Горбачева и Ельцина можно разделить на три аналогичные стадии. Фактически, эта книга именно так и структурирована. Каждый из указанных лидеров прошел стадию преемственности и консолидации, за которой следовала стадия восхождения, сменявшаяся стадией упадка. Тем не менее благодаря появлению автономной общественной арены в 1980-х и 1990-х годах, а также благодаря краху советской системы, политические стимулы, с которыми столкнулись Горбачев и Ельцин, резко отличались от тех, с которыми имели дело Хрущев и Брежнев. Так, мы обнаружим несколько новых поворотов по сравнению с выводами моего более раннего исследования: поворотов, которые отражают разницу между задачей реформирования или адаптации советской системы, с одной стороны, и задачей ее преобразования или замены – с другой.

---

⁸ Некоторые утверждают (походя, без уточнения или документального подтверждения), будто Хрущев не считал, что в 1960–1964 годах он занимал в политике оборонительную позицию и что изменения, которые он вносил в этот период, были попытками спасти его *программу*, а не политический авторитет [Lebow, Stein 1994: 403–104, fn. 57]. По этому поводу мне также писал один из читателей. Это же возражение лежит в основе всех публикаций, в которых советский генсек рассматривается как пользующийся непререкаемым авторитетом (см., напр., [Volkogonov 1998]). Оно глубоко задевает мой подход к изучению политики, и его стоит опровергнуть. Такое толкование не объясняет, почему Хрущев был так предан своей программе (чистый идеализм?), и неправдоподобно звучит предположение, будто у него было достаточно власти, чтобы не обращать внимания на то, что его ошибки и недостатки в перспективе могут быть незамедлительно поставлены ему в вину другими в руководстве – предположение, особенно неправдоподобное в условиях режима, при котором политическая борьба была столь интенсивной и столь дорого стоила проигравшим. Напротив, я рассматриваю лидеров в политически конкурентных режимах как субъектов, видящих как в сохранении власти, так и в поддержании ее предварительные условия для реализации своих программ и живущих в постоянной неопределенности относительно состояния своей власти, авторитета и доверия. Они могут столкнуться или нет с оформленной фракционной оппозицией: меня убеждают свидетельства того, что ни Хрущев, ни Брежнев не сталкивались с такой открытой, устойчивой оппозицией. Но они должны были постоянно следить за возможными реакциями соратников, способными подрвать их политическую безопасность. Следовательно, даже если они не заявляли публично: «Я занимаю политическую оборону!» (что не было бы разумно в политике), защитная риторика и переход в контрнаступление, когда их программы дают сбой, – хороший индикатор усилий лидеров по повторному овладению политической инициативой, когда амбициозные программы, которые они продвигали, уже дискредитированы. Они обладали огромной властью, позволяющей определять политику даже на третьем этапе их правления. Но их вероятный уровень политической незащищенности рос по мере того, как снижалось доверие к их программам и обещаниям. В конечном счете мои утверждения, возможно, следует рассматривать как предположение, высказанное в рамках этого исследования, а не как полностью задокументированный тезис, поскольку личные представления и опасения лидеров – что бы они ни говорили открыто на заседаниях Политбюро, протоколы которых сейчас хранятся в архивах, – это то, что они испытывали, но предпочитали держать при себе.

Стратегии укрепления авторитета: аудитории, источники и резонанс

Укрепление авторитета – это процесс установления и поддержания доверия к себе среди избирателей, обладающих возможностью влиять на политику или управление. Этот процесс универсален для контекстов, отмеченных конкурентной политикой. Тем более это важно в контексте политики *идеологической*, где борьба за идеи затрагивает сами основы политического сообщества. Но откуда берутся стратегии укрепления авторитета? Какими должны быть аудитории для стратегий укрепления авторитета? Что определяет, резонируют ли эти идеи с аудиторией? Давайте рассмотрим эти вопросы в привычном советском контексте, сохранявшемся при Хрущеве и Брежневе, прежде чем перейти к тому, как все изменилось при Горбачеве и Ельцине.

Мы попытаемся понять факторы, которые учитывались в расчетах советских политиков, боровшихся за самый высокий пост в стране. Очевидно, первым, о чем они думали, было: какая стратегия скорее всего сработает? Как мне мобилизовать сильных сторонников в большем количестве и более эффективно, чем моим конкурентам? Размышляя об этом, политик в любой конкурентной системе сосредоточится на том, что важно для электората, его интересов и идентичности. Он задумается о коалициях, которые можно было бы создать среди существующих заинтересованных групп, о том, какие дать обещания, чтобы побудить их поддержать его, и о более туманных идеях и символах, которые он мог бы использовать и которые резонировали бы с представлениями его избирателей о социальном прогрессе.

Тщательно рассматривая спектр интересов политического истеблишмента в данный момент времени, наш гипотетический кандидат, безусловно, захочет избежать отчуждения наиболее могущественных, укоренившихся в системе заинтересованных групп. Тем не менее он не может позволить себе, чтобы его отождествляли с «топтанием на месте», поскольку он также чувствует страстное желание элит найти способы вывести страну из сложной ситуации, оставшейся от его предшественника. В этот момент мы достигаем предела возможностей структурного подхода к прогнозированию лидерского поведения. Ведущие роли коммунистической партии, военно-промышленного комплекса, экономических плановиков и органов безопасности оставались неизменными на протяжении всего постсталинского периода, однако стратегии лидерства в вопросах объединения интересов различных институтов, выборочного игнорирования интересов некоторых из этих институтов и апелляций к интересам и идентичностям более широких слоев сильно варьировались.

Эти вариации были в большей степени продуктом собственных идей и стратегий конкурирующих политиков, чем институциональных структур: идеи о том, как сочетать старое и новое; политические стратегии, сформулированные в условиях полнейшей неопределенности относительно того, что может сработать; идеи и стратегии, распространяющиеся с намерением застолбить политическую нишу для себя и лишить ее своих конкурентов. Ценность подхода, основанного на укреплении авторитета, состоит в том, что, не отрицая ограничивающего воздействия структур, он позволяет подчеркнуть стремление лидеров к разработке и обоснованию программ, которые невозможно предсказать только на основе знаний о структуре политической организации и сути интересов групп, доминирующих в политическом устройстве⁹. Структурный подход особенно плохо подходит для прогнозирования эффективности стратегий лидерства, когда система находится в кризисе, как это было после первых попыток Горбачева трансформировать систему. В тот момент взаимодействие между стратегиями лидерства,

---

⁹ Как однажды написал Кейнс: «Я уверен, что власть корыстных интересов сильно преувеличена по сравнению с постепенным распространением идей» [Keynes 1936: 383].

разрушающимися структурами и только что мобилизованными социальными силами было гораздо более многовариантным.

Еще один принципиально важный фактор, который нельзя предсказать, просто зная структуры и интересы режима, – это *настрой общественного мнения внутри политического истеблишмента* в момент смены власти. Этот настрой влияет на стратегии, которых придерживаются политические конкуренты. После Сталина среди политического истеблишмента и интеллигенции присутствовало широко распространенное (хотя и далеко не единодушное) стремление вернуть людям и элите чувство физической безопасности; это чувство сосуществовало со стремлением различных кругов политического истеблишмента восстановить ощущение динамизма, «заставить страну снова двигаться». Существование этих осязаемых чувств означало как то, что «движение» не должно идти в русле сохранения сталинизма, так и то, что обещанная кадрам физическая безопасность не выльется в политический застой. Хрущев чувствовал эти стремления, разделял их, играл на них и работал над формированием их политического выражения. Напротив, после Хрущева официальные лица партии и государства мечтали в первую очередь о периоде спокойствия и предсказуемости, который упорядочил бы и гарантировал их материальные привилегии, безопасность работы и их защищенность как от неуправляемой массовой критики, так и от произвола лидеров. В то же время они надеялись на руководство, которое устранил экономический и административный беспорядок последних лет правления Хрущева. Брежнев почувствовал эти желания, разделил их и откликнулся на них.

Кандидаты на руководящий пост, когда они пытаются создать сети клиентелы, основанные на чувстве общей идентичности, также апеллируют к идеям, а не только к интересам. Символы, которые лидеры используют в оформлении своих программ, выбираются таким образом, чтобы они соответствовали идентичности аудитории внутри политической элиты. Лидеры пытаются подключиться к традиционным представлениям о национальной гордости, нуждах или международной репутации, к понятиям общественного прогресса, солидарности и устремлений, а также к ключевым идеям идеологической традиции. Даже при таком режиме, как брежневский, где консервативная и консолидирующая направленность политики, казалось, потворствовала только материальным и статусным интересам, лидер формулировал свой политический выбор таким образом, чтобы он в глазах публики выглядел заботой о народном благе; примеры тому – крупномасштабные сельскохозяйственные программы Брежнева 1965–1966 годов, его программы развития Нечерноземья и Сибири, ускоренное строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и территориально-промышленных комплексов, а также его «Программа мира» 1971 года. Все эти проекты были представлены как отличные средства для продвижения страны к трансцендентным внутренним и международным целям¹⁰.

Но при этом они должны были пользоваться доверием. Представители целевой аудитории будут просчитывать, насколько вероятно, что направленные им таким образом призывы принесут обещанные результаты и позволят победить в любой последующей борьбе за власть. В случае если предложения не вызывают доверия, они могут быть отвергнуты как пустые обещания, принятие желаемого за действительное или отчаянная риторика политического неудачника. Стратегия победы для политика состоит в том, чтобы сформулировать набор призывов, связывающих прошлое с будущим способами, которые выглядят осуществимыми и позволяют ему перехватить политическую инициативу, заставить своих политических соперников обороняться и тем самым побудить потенциальных клиентов поддержать того, кто, скорее всего, выиграет (эффект присоединения к большинству). Брежнев и Хрущев смогли разработать программы, в которых отдельные традиционные ценности убедительно (для партийных и государ-

---

¹⁰ О марксистско-ленинских элитах и их вере в способность своих систем преодолевать исторические ограничения см. [Hanson 1997].

ственных должностных лиц) сочетались с новыми способами решения проблем и которые, как они утверждали, смогут продвигать страну вперед и удовлетворять материальные интересы определенных групп, причем это будет происходить умело, под руководством покровителей, имеющих, вероятно, хорошие шансы взять верх в борьбе за власть. Таким образом, укрепление авторитета в советской политике включало в себя обоснованные притязания на обладание редкими навыками решения проблем и политическими талантами.

Первоначальная опора Хрущева и Брежнева на сторонников жесткой линии, похоже, подтверждает структурное объяснение их поведения в ходе борьбы за власть. Фактически в этом можно видеть подтверждение идеи, что самостоятельная роль личных идей уменьшается, когда речь идет о ставках наивысшего уровня – когда на кону политическое выживание или гибель¹¹. Оба в большей степени апеллировали к материальным интересам ключевых групп и традиционным чертам господствующей идеологии на начальном этапе, чем после своей победы в борьбе за власть. Но почему эти лидеры расширили свои коалиции и программы, достигнув руководящих постов? Почему они просто не держались той коалиции, с помощью которой выиграли борьбу за власть, – коалиции, которая в обоих случаях объединяла их с двумя наиболее могущественными интересантами системы: партийным аппаратом и военно-промышленным комплексом?

Один из ответов связан с пониманием, что стратегия «топтания на месте» не вызывала доверия у тех, кто верил в постсталинский консенсус; представители элиты стали воспринимать противоречия внутри системы как нуждающиеся в срочном разрешении, будь то осторожном (Брежнев) или решительном (Хрущев). Другой ответ – идеологический и эмоциональный: оптимистичная идеологическая традиция режима позволяла людям верить, что система способна построить общество изобилия для всех. Третий ответ – политический: это все еще была ленинская система, и лидеру не предоставляли фиксированного срока полномочий. Следовательно, лидеры постсталинской эпохи испытывали острую потребность в *политической подстраховке* даже после того, как они консолидировали свою власть. Политическая неопределенность касательно процедур и срока полномочий предоставляла лидеру стимул к созданию крупномасштабных (а не минимальных) выигрышных коалиций, что, в свою очередь, приводило его в итоге к спонсированию программ, привлекательных для аудитории в широком диапазоне политического спектра¹². Выиграв в борьбе за власть посредством апелляции к узким заинтересованным группам с ярко выраженными предпочтениями, он приобретал все более значительную власть, а также получал стимул обеспечить себе политическую подстраховку путем вовлечения ранее сброшенных со счетов заинтересованных групп и идентичностей в свою коалицию. Независимо от того, заключалась ли его личная цель в подстраховке от рисков или в увеличении своей политической независимости за счет уменьшения зависимости от небольшой коалиции, поведенческий результат был одинаков: это расширенная коалиция.

Какими бы ни были причины провозглашения столь амбициозной программы, лидер оказывался в политической обороне, после того как недостатки этой программы становились очевидны. Именно в этот момент личные качества становились особенно важным фактором, определяющим поведение лидера. Его реакция на крах в гораздо меньшей степени была продиктована четким представлением о том, чем обернется дальнейшая политика. Хрущев в последние четыре года своего правления был склонен к значительным колебаниям. Как во внутренних, так и во внешних делах он отчаянно искал панацеи, способные помочь ему вос-

---

¹¹ «Чем ниже стоимость выражения своих убеждений, тем важнее убеждения как фактор, определяющий выбор» [North 1990: 43].

¹² Эта точка зрения изложена в [Richter 1994]. Отсутствие фиксированного срока полномочий также характерно и для парламентских режимов. Однако в режимах ленинизма осязаемая потребность в чрезмерной политической подстраховке усугубляется из-за непривлекательности политической отставки и отсутствия в обществе таких автономных арен, где можно было бы построить альтернативную карьеру или начать процесс возвращения в политику.

становить утраченный авторитет, при этом он столкнулся с самыми могущественными и укоренившимися в системе заинтересованными группами. Брежнев, напротив, сознательно избрал стратегию возвращения в коалицию, с которой он достиг вершин в 1960-х годах, и использования любых ресурсов, которые он сумел мобилизовать, ради попытки спасти как можно большую часть своей всеобъемлющей программы.

Укрепление авторитета и постсоветская политика

Сравнение стратегий Хрущева и Брежнева по укреплению авторитета позволило мне сделать общие выводы о природе советской политики. Но применима ли эта модель к системе, которая рушится или изменяется, как это было в период с 1988 по 1999 год? В данной книге я намерен продемонстрировать, что это на самом деле актуально и для нового контекста. В значительной степени такая актуальность проистекает из того, что первоначально модель была разработана для исследования демократических режимов. Идея лидерства как процесса преодоления социальных ограничений – и укрепление авторитета как необходимое условие для получения рычагов для достижения успеха – является универсальной политикой в конкурентных режимах, будь то конкурентные олигархии или плюралистические демократии. Действительно, я впервые развил эту идею, когда прочел классическое исследование Нойштадта, посвященное американскому президентству, где он утверждал, что «президентская власть – это сила убеждения» [Neustadt 1960: 10]. Мне пришла мысль, что советский режим в постсталинскую эпоху превратился в конкурентную олигархию, внутри которой политическая конкуренция публично выражалась в форме соревнования идей. Хотя принуждение и покровительство сохраняли ключевое значение для политического согласия в советской политике, важность идей возросла, поскольку цена, которую приходилось платить за политический провал, снизилась¹³. Я пришел к выводу, что кое-что полезное можно узнать о советской политике, рассматривая политическую пропаганду как нечто большее, чем просто игру в максимизацию власти, и рассматривая рычаги политического воздействия как нечто большее, чем просто возможность командовать и принуждать. Из этого логически следует, что базовая модель в высшей степени применима к режимам-преемникам, охватывающим публичные и демократические способы политического противостояния, поскольку эта модель первоначально возникла из исследования демократического режима.

Есть и другие причины для применения этой концепции к постсоветской России. Во-первых, овладеть инициативой и тем самым заставить политических конкурентов обороняться – это широко используемая стратегия среди конкурирующих политиков в конкурентных олигархиях, а также в публичной демократической политике. Во-вторых, разделение правления на отдельные этапы отражает нечто более общее, хотя такие этапы в разных системах будут различаться по продолжительности и характеру. Этапы борьбы за престолонаследие (избирательная кампания в либеральных демократиях), которые сменяют периоды «медового месяца», первых недель во власти, или восхождения, за которым следует упадок власти, образуют знакомую схему. Поразительно, например, у скольких британских премьер-министров (даже «великих») карьера на посту завершилась провалом или отставкой [Rose 2001]¹⁴. Наконец, существует общая тенденция политиков обещать больше, чем они могут выполнить, а затем сталкиваться с потерей доверия, когда их неспособность исполнить обещанное становится очевидной. Этот феномен вряд ли ограничен советской политикой, хотя для коммунистических режимов, безусловно, характерны огромные разрывы между стремлениями и возможностями. По всем этим причинам мы увидим, что структура укрепления авторитета помогает пролить свет на эволюцию президентства Ельцина даже несмотря на то, что его лидерство уже не осуществлялось в рамках марксистско-ленинского партийного государства.

---

¹³ Иными словами, политики с большей вероятностью высказывали свое истинное мнение в частных кругах или публично, когда им больше не приходилось бояться расстрела за то, что они оказались не на той стороне в споре или в политической борьбе.

¹⁴ О циклах правления в коммунистических и демократических системах см. [Bunce 1981].

До сих пор я обсуждал контекст, в котором происходит политический выбор; я меньше говорил о личностях и личных убеждениях рассматриваемых лидеров. Так было и с моей книгой о Хрущеве и Брежневе, где меня больше интересовали особенности системы, которые привели к возникновению ряда сходств между их правлениями. Однако в книге о Горбачеве и Ельцине личный фактор должен стать более значительным, причем гораздо более значительным. Реформизм Хрущева и консерватизм Брежнева имели давние корни в советской истории, равно как и первоначальная стратегия реформизма Горбачева в 1985–1987 годах. Но последующее решение Горбачева о продолжении трансформации системы и решение Ельцина попытаться разрушить и заменить ленинскую систему оказались беспрецедентными действиями политических лидеров, порожденных самой системой. Невозможно объяснить этот выбор, не обращаясь к личным качествам и убеждениям этих лидеров до того, как они пришли к власти, что и является основной темой следующей главы.

Глава 2

Горбачев и Ельцин: личные качества и убеждения

И Горбачев, и Ельцин большую часть времени, когда они находились у власти, были менее ограничены формальными политическими структурами, чем Хрущев и Брежнев. Поэтому для того, чтобы определить детерминанты многих из их политических решений, необходимо понять личные качества и убеждения Горбачева и Ельцина.

Горбачев как политическая личность

В биографии Горбачева нет ничего, что указывало бы на личность бунтаря. Скорее Горбачев производит впечатление человека – плоть от плоти организации: он вступил в КПСС в более молодом возрасте, чем Ельцин, и снискал внутри этой организации немалые почет и уважение¹⁵. Горбачев приехал в Москву молодым человеком из провинции с намерением «пойти в гору» в столице и подняться в политической иерархии. Одно из первых его действий после поступления в МГУ – он стал комсомольским активистом. Он подал заявление о приеме в партию, будучи совсем молодым. Карьера Горбачева началась на юрфаке МГУ, где он стал комсоргом своей группы, а затем пошла обычным путем по лестнице политической иерархии, сначала в ВЛКСМ, затем в партийном аппарате. Попав в партаппарат, он уже его не покидал. Хотя некоторые аналитики считают, что такой карьерный путь неизбежно обуславливает менталитет «консервативного» аппаратчика, правильнее рассматривать его как показатель веры в «ведущую роль партии» в советском социалистическом обществе и в то, что правильная организация и мобилизация с партией во главе является гарантией движения к «полной реализации потенциала социализма». Интерес Горбачева к партийной работе проистекал из возможности заниматься *политической* деятельностью в качестве народного лидера. Ему претила кабинетная бюрократическая работа, и когда ему предложили должность в прокуратуре, он отказался.

Ельцину, как и Горбачеву, не нравилась формальная бюрократическая кабинетная работа, и он предпочитал работать напрямую с людьми, занятыми решением конкретных проблем. Они оба гордились своими мотивационными способностями. Но Ельцин, в отличие от Горбачева, был увлечен сложными техническими задачами строительства и гордился своими *техническими* навыками, которые позволят ему достичь новых высот в грандиозных строительных проектах. Прежде чем попасть в партийный аппарат, он много лет проработал в хозяйственном управлении. Во время своего восхождения в партийно-государственном аппарате Ельцин оценивался благодаря стройкам, проходившим под его руководством. Горбачева как комсомольского лидера начальство в Ставрополе оценивало исходя из более абстрактных, субъективных и политических критериев.

Горбачев был не только человеком организации в рамках политической бюрократии, но и человеком семьи. С отцом отношения у него сложились дружеские и нежные. Когда Михаил был подростком, он круглосуточно работал вместе с отцом-комбайнером, собирая урожай; они обсуждали новости и во всем доверяли друг другу. Отец относился к сыну как к равному. Летом 1948 года, когда они работали бок о бок, Михаил получил орден Трудового Красного Знамени, а отец – более престижный орден Ленина. Горбачев всю свою жизнь гордился этим достижением; в своих мемуарах, написанных в 1990-х годах, он заявлял, что до сих пор считает это своей величайшей заслугой [Горбачев 1995: 56]. На протяжении большей части своей политической жизни в номенклатурной иерархии Горбачев, судя по всему, верил в систему и был сторонником улучшения ее функционирования.

Горбачев умел двигаться вперед, ладить с людьми. В беседах с глазу на глаз он выступал человеком, способным «считывать» взгляды и предпочтения своих собеседников, подстраивать свою тактику в соответствии с их позициями и заставлять их поверить, что он с пониманием относится к их убеждениям – даже когда его целью было изменить их мнение¹⁶. Эта черта

---

¹⁵ Эту разницу впервые отметил Дмитрий Михеев [Mikheyev 1996: 4].

¹⁶ Такое впечатление сложилось у одного американского журналиста, поговорившего с людьми, которые знали Горбачева в молодости [Smith 1990:41,49]. Арчи Браун более осторожно заявляет, что у Горбачева была «способность ладить с людьми разных взглядов и нравов» [Brown 1996: 37]. Как сообщается, психологи, работавшие в Центральном разведывательном управлении США и наблюдавшие за Горбачевым в течение его пребывания у власти, пришли к выводу, что «у него острая интуиция; он моментально просчитывает ситуацию и прочитывает людей, управляет своими внутренними реакциями, может мгновенно

характера сослужила хорошую службу, когда он поднялся по ступеням партийной иерархии. В 1970-х годах многие члены Политбюро приезжали отдыхать на Ставрополье. Горбачев их встречал и общался с ними в неформальной обстановке [Болдин 1995: 127; Brown 1996: 49–51]¹⁷. Нет никаких свидетельств ни его возмущения и неприязни по отношению к московскому начальству, ни того нескрываемого нетерпения, которое Ельцин стремился подавить, не всегда успешно, в начале 1980-х годов.

Войдя в состав брежневского Политбюро, Горбачев садился как можно дальше от генсека и старался не выказывать брезгливости при неуместных промахах Брежнева [Горбачев 1995: 182–183]. В своих воспоминаниях он отмечает, что в брежневской Москве главным было «знать свое место»: никогда не выходить за рамки своего положения и чина [Горбачев 1995: 182]. Придя к власти, Горбачев сохранил тактическую осторожность как определяющую характеристику своей политической личности, пусть даже пытаясь изменить систему. Ф. М. Бурлацкий на основе бесед с различными помощниками и соратниками Горбачева утверждает, что тот был «склонен к компромиссу» и предпочитал «твердую руку» и это «раздражало прямого и вспыльчивого Ельцина», который был более склонен рисковать [Бурлацкий 1997: 122, 129–130]¹⁸.

Коллеги описывают Горбачева как человека огромной энергии, страсти, ума, стремящегося активно решать проблемы [Черняев 1993: 8–9; Palazchenko 1997: 107]¹⁹. Один из помощников описывает способность Горбачева искренне увлекаться всем новым – черту, которая вряд ли была характерна для старых членов брежневского Политбюро в 1970-е годы [Palazchenko 1997: 107]²⁰. Другой помощник, А. С. Черняев, сопровождал Горбачева в поездке в Западную Европу в 1972 году и сильно впечатлился тем, насколько «яростно и красочно» Горбачев описывал бельгийским коммунистам «битву за хлеб», которая тогда велась в СССР, а также своим энтузиазмом и живостью: «...он явно выделялся на фоне партийных вождей местного масштаба своей неординарностью, страстью» [Черняев 1993: 8]. Вернувшись в Москву, Черняев сказал своему начальнику Б. Н. Пономареву (главе международного отдела ЦК), «что в Горбачеве мы имеем “кадр”, который очень нужен, чтобы держать “имидж” КПСС среди братских партий, что таких, наверное, очень немного, я, во всяком случае, не встречал» [Черняев 1993: 8].

Страстный пыл и энтузиазм Горбачева не были показными. Черняев также описывает их совместную поездку в 1972 году по сельским районам Бельгии и Нидерландов: «Сидели рядом, он почти не смотрел по сторонам... [Вместо этого] хватал меня за локти и “доказывал”, “доказывал”, “доказывал”, как важно и нужно сделать на Ставрополье то-то и то-то» [Черняев 1993: 8]. Со временем Горбачев «докажет», что что-то нужно сделать или возможно сделать, и тем самым убедит своих слушателей в том, что сделать это *необходимо*. Здесь мы видим как бы предварительный образ генсека, стиль руководства которого основывался на убеждении людей в том, что перестройка желательна, необходима и осуществима: «другого пути нет». Действительно, Горбачев был самоуверенным спорщиком, человеком, который гордился своей

перейти от обаятельности к жесткости, от уступчивости к угрозе» [Sheehy 1990: 10].

¹⁷ Ему удалось произвести на них впечатление как политически надежного, так и умного, динамичного регионального лидера с новыми интересными идеями о том, как улучшить работу системы. Как лаконично резюмирует Д'Агостино, «различные покровители Горбачева могли нередко друг с другом враждовать, но Горбачев как-то умудрялся не заводить врагов, даже среди врагов своих друзей» [D'Agostino 1998: 58].

¹⁸ Впрочем, это понятия условные. С таким же успехом можно сказать, что Горбачев, находясь у власти, был «склонен к риску» в стремлении трансформировать систему, а Ельцин в 1985–1989 годах поступал «безответственно». Различие между такими словами, как «осторожность», «склонность к риску» и «безрассудство», часто зависит от ценностей наблюдателя или его восприятия масштабов сдерживающих изменения барьеров.

¹⁹ Болдин и Лигачев, оба антагонисты Горбачева, в своих воспоминаниях говорят о Горбачеве как трудоголике [Ligachev 1993: 148; Болдин 1995: 34]. См. также [Brown 1996: 31–43; Smith 1990: 41, 44ff.]. Шихи цитирует советского посла в США, который после первой встречи с Горбачевым назвал его «человеком – ненасытным ураганом» [Sheehy 1990: 136].

²⁰ О том же говорят и знавшие его по учебе в МГУ См. [Smith 1990: 46–47].

способностью к логической аргументации и впечатляющей самопрезентацией. В своих мемуарах он утверждает, что уже на первом курсе юридического факультета мог дискутировать не хуже лучших из своих однокурсников. Он гордился тем, что не боялся проявлять слабость, задавая вопросы; это отточило его навыки спорщика [Горбачев 1995: 61].

Многие политические лидеры уверены в себе и обладают сильным эго; фактически это можно считать необходимым условием для достижения «величия». Но самоуверенность Горбачева сочеталась с искренним оптимизмом. Многие очевидцы вспоминают молодого Горбачева как оптимиста, что особенно примечательно, если учесть апокалиптические обстоятельства его юности (коллективизация, Большой террор и Вторая мировая война). Его официальный переводчик сообщает, что генеральный секретарь Горбачев был крайне оптимистичен относительно осуществимости начатых им реформ [Palazchenko 1997: 123]. Другие видели эту его черту, но не разделяли его оптимизма. В конце 1980-х годов один из ближайших советников сказал: «Я знаю, что мы не сможем добиться успеха. Но когда я оказываюсь перед этим теплым и очаровательным человеком, который так сильно хочет сделать что-то для страны, у меня не хватает смелости, чтобы сказать ему, что мы не можем добиться успеха» [Doder, Branson 1990: 304]. Будь то на уровне местных кампаний в Ставрополе или в отношении реформы советской системы в целом – Горбачев явно был идеалистом, чьи убеждения и действия дополнялись страстной и оптимистичной, но тщательно контролируемой личностью.

Оптимизм, страсть, энергия, любознательность, эгоцентризм, ненасытная энергия и уверенность в себе в сочетании с контролем над рисками, рассудительностью и расчетливостью в отношении самого себя и других – вот какие черты собственной личности Горбачев продемонстрировал при выборе своей политической стратегии реформирования системы, когда у него появилась такая возможность. Но все эти черты характера не раскрывают содержания убеждений человека: в отношении чего он оптимистичен, страстен и энергичен, с какой целью проявляет осмотрительность и контролирует риски? Чтобы ответить на эти вопросы, нам нужно изучить политические убеждения Горбачева.

Политические убеждения Горбачева

Политическому взлету Горбачева, вероятно, поспособствовало сочетание в нем явной политической надежности с личным динамизмом, что проявлялось как в «продаже» системы внешней аудитории, так и в экспериментировании с системой с целью заставить ее работать лучше. Действительно, когда он вступил на пост генерального секретаря, эти черты придавали убедительность его заявлениям, что он заставит систему полностью реализовать свой потенциал. Но во что он верил? И почему стал *генсекком-реформатором*!

В научной литературе существуют значительные разногласия по поводу идеологических убеждений Горбачева. Однако большая часть споров касается того, насколько сильно изменились его взгляды и мироощущение за годы его пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Одна точка зрения состоит в том, что благодаря сочетанию внутренних и внешних обстоятельств он к 1989–1990 годам превратился в социал-демократа и антиленинца, приблизившись в этом отношении ко взглядам руководства Социалистической партии Испании [Brown 1996; English 2000]. Сторонники противоположной точки зрения полагают, что он эволюционировал в «социалистического демократа» наподобие меньшевиков 1917 года, но не социалистов бернштейновского типа или социал-демократов [Jowitt 1992, ch. 6; Hanson 1997, ch. 6; D'Agostino 1998]. Другие же считают Горбачева запутавшимся, некомпетентным или последовательно деспотичным человеком²¹.

Гораздо меньше разногласий возникает по поводу политических и идеологических убеждений Горбачева до его прихода к власти в 1985 году. Горбачев разделял патриотический пыл, который многие представители его поколения испытывали после Второй мировой войны и периода послевоенного восстановления. Позже, по мере построения им карьеры, на его политические взгляды сильно повлияла кампания Хрущева по десталинизации, а также повсеместная коррупция и социально-экономическая стагнация эпохи позднего Брежнева²². Кроме того, в поездках в Восточную и Западную Европу в конце 1960-х годов он увидел относительное богатство Запада, особенно по сравнению с жизнью Ставрополя [Mikheyev 1992: 32; Brown 1996: 41–43], тогда как во время вторжения в Чехословакию он не составил однозначного мнения о том, было ли решение о подавлении Пражской весны мудрым и справедливым [Brown 1996:41; English 2000:181–182]. Эти привлекающие и отталкивающие моменты сделали его восприимчивым к новым идеям о том, как реформировать систему – или как помочь ей реализовать свой потенциал, – едва в конце 1970-х годов у него появилась возможность что-то изменить²³.

По словам соратников и помощников, к началу 1980-х годов Горбачев уже был анти-сталинистом и коммунистом-реформатором, убежденным, что советская система нуждается в изменениях («так жить дальше нельзя»²⁴), но представлявшим себе куда более скромные изменения, чем те преобразования, которые он в конечном итоге возглавил в конце 1980-х [Brown 1996, ch. 3; Smith 1990: 68–72]. В соответствии со своим воспитанием в партийном аппарате, Горбачев, придя к власти, полагал, что корень большинства проблем лежит в кор-

²¹ О Горбачеве как несостоявшемся деспоте, стремившемся укрепить социалистическую систему, а не кардинально ее преобразовать, см. [Murray 1995]; о Горбачеве как о сбитем с толку ленинце, который стремился демократизировать социализм, но понятия не имел, как это сделать, см. [Hough 1997].

²² В этом Хэнсон и Браун согласны друг с другом [Hanson 1997:183; Brown 1996: 39–41, ch. 3]. Имеются также эпизоды из ранних лет Горбачева, которые говорят о его неприятии тех, кто пользовался незаслуженными привилегиями; см. [D'Agostino 1998: 53; Sheehy 1990: 74–75].

²³ Браун указывает на влияние этих раздумий на образ мыслей Горбачева, подпитывающее его амбивалентность [Brown 1996: 40–41]. Кроме того, в Ставрополе Горбачев участвовал в переселении людей, депортированных Сталиным, которым Хрущев разрешил вернуться на свои родные земли [D'Agostino 1998: 53].

²⁴ Цит. по: [Brown 1996: 81].

румпированных кадрах и что необходимым (хотя и недостаточным) условием для их решения является подбор неподкупных кадров. Он думал, что реформы увенчаются успехом и система сможет реализовать свой потенциал только в том случае, если на ключевые посты в партийном аппарате будут набраны правильные кадры [Черняев 1993: 123; Горбачев 1995:286–292 (глава «Кадры решают все»); Болдин 1995: 45–47]. По словам его ближайшего помощника, первоначальной целью Горбачева была замена кадров, а затем построение «деловых, товарищеских и честных» отношений внутри коммунистической партии [Черняев 1993: 23]. Это видение заставило его пойти на чистку коррупционеров и мобилизацию неподкупных кадров, убеждая их присоединиться к нему в построении реформированного ленинского политического строя. Это подразумевало реструктуризацию властных отношений, хотя и не предполагало таких масштабов реструктуризации, которые потребовались бы для восстановления легитимности и эффективности политического строя.

Что касается международных отношений, Горбачев также отказался от некоторых фундаментальных убеждений и предубеждений брежневской эпохи. Еще до прихода к власти он был убежден, что прекращение холодной войны является необходимым условием для восстановления жизнеспособности Советского Союза внутри страны и его престижа за рубежом, что советская внешняя политика нуждается в демилитаризации (включая уход из Афганистана), что господству Советского Союза в Восточной Европе с помощью военной силы следует положить конец и что Советский Союз должен установить более тесные связи с западноевропейскими государствами [English 2000: 183–184, 194, 199–200]. Более того, он заявлял о своей приверженности ненасилию как о принципе политического порядка («не стрелять») [Грачев 1994:113], что в итоге будет иметь серьезные последствия для его контроля над процессами изменений в Восточной Европе и Советском Союзе. Сомнительно, чтобы он был убежденным пацифистом, но он явно предпочел бы, чтобы обновление социализма основывалось на убеждении, а не на насилии. Таким образом, вместо того чтобы рассматривать Горбачева как «беспристрастного мыслителя» [Stein 1994:155–183], более целесообразно полагать, что он начинал свою карьеру генсека в качестве антисталиниста, «коммуниста-реформатора» и антимилитариста, уже приверженного созданию менее милитаризованного международного порядка и реформированного социалистического политического строя внутри страны. В остальном же многое свидетельствует о том, что Горбачев активно искал и нащупывал свой путь и действительно был очень «мотивированным учеником» [Stein 1994].

Такие убеждения не мешали ему быть человеком системы и находиться в хороших отношениях с начальством. Многие журналисты, ученые и официальные лица были тогда «внутрисистемными» диссидентами, пришедшими к тому мнению, что брежневизм стал помехой, и искавшими ему реформистскую альтернативу. Хрущевская десталинизация стала для них, как и для Горбачева, определяющим опытом. Более того, марксистско-ленинская традиция придерживалась идеи однопартийной социалистической демократии, и это позволило им рационалистически утверждать, что а) альтернатива сталинизму – не капитализм, а реформа ленинизма и б) социализм вполне возможно сделать совместимым с процедурной демократией²⁵.

Горбачев считал, что достижение этой цели требует не только организационных мер. Оно требовало также кропотливого доктринального обоснования. Горбачев придавал большое значение силе идей, как устных, так и письменных, как средства вооружения сторонников и разоружения потенциальных противников. Это было результатом его воспитания в вере в марксизм-ленинизм, его юридического образования и уверенности в себе как в полемисте. Еще будучи региональным партийным функционером, он придавал большое значение логиче-

---

²⁵ Объемное изложение этого тезиса одним из таких внутрисистемных диссидентов можно найти в книге Р. А. Медведева «О социалистической демократии» [Medvedev 1977]. В качестве неплохого источника для понимания реформистского менталитета в Политбюро после прихода к власти Горбачева см. [Черняев 1993].

ской аргументации как средству оправдания политических решений. Коллеги по Ставрополю вспоминают о том, что он хорошо знал историю партии, труды Ленина и основоположников марксизма-ленинизма [Brown 1996: 31–32]. В первые годы перестройки Горбачев вновь погрузился в произведения Ленина, перечитывая их; у него в кабинете находился полный комплект собрания сочинений Ленина, и он часто читал вслух отрывки начальнику своего штаба В. И. Болдину. По словам Болдина, Горбачев считал, что публикации делают возможным распространение информации, имеющей решающее значение для прогресса: «...он считал свои слова главным, одним из важнейших методов работы» [Болдин 1995: 12]²⁶. Для Горбачева это было больше, чем просто оправдание политических решений; его внимание к «слову» также было частью активного интеллектуального поиска в последних работах Ленина актуальных истин о том, как реформировать советский социализм.

Как генеральный секретарь Горбачев с большим энтузиазмом вновь и вновь редактировал тексты своих статей и выступлений. Свой отпуск в августе 1987 года он посвятил завершению работы над книгой «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»²⁷. Еще в 1988 году в связи со своим желанием реорганизовать аппарат Горбачев читал стенограммы первых партийных съездов после 1917 года [Черняев 1993: 223]. Так он искал политическую риторику, которая предоставила бы убедительные лозунги, развернутое теоретическое обоснование политических перемен и руководство по программному развитию.

В спорах Горбачев избегал спонтанности или импровизации. Он любил обдумывать вопросы, развивал мысли посредством размышлений, обсуждений и записей. Он постоянно искал свидетельства своих успехов или неудач в государственной политике и одновременно – новые теоретические формулировки или обобщения, чтобы согласовать эмпирическую реальность с социалистической теорией. Таким образом, он был созерцателем, который, по ленинским меркам, сохранял непредвзятость и стремился учиться. Он любил долгие прогулки по лесу с женой или коллегами, в ходе которых можно было обсудить проблемы и развить свои идеи²⁸. Находясь в 1983 году, во время правления Андропова, в Канаде, Горбачев отказался от официальной программы и часами беседовал с тогдашним послом Яковлевым о будущем России [Грачев 1994:140]²⁹. И в Ставрополе, и в Москве Горбачев искал общения с информированными, культурными людьми, в том числе с иностранцами, для длительных дискуссий, в ходе которых он вырабатывал свои собственные идеи [Грачев 1994: 177–178; English 2000: 180–186]. Во время долгой прогулки с Шеварднадзе в 1984 году они сошлись на том, что «все прогнило» [Brown 1996: 81; Ekedahl, Goodman 1997: 30].

Учитывая его сочетание идеализма, оптимизма, энергии, интеллекта, продемонстрированной им политической надежности и осторожной манипулятивной политической тактики, Горбачев, возможно, идеально подходил для выполнения поставленной им перед собой задачи: вырвать Советский Союз из брежневских стереотипов дома и за рубежом, прежде чем потенциальные противники смогут мобилизоваться, чтобы помешать ему в этом. Труднее предположить, чтобы со всем этим успешно справился Ельцин, будь генеральным секретарем в 1985–1987 годах он.

---

²⁶ См. также [Болдин 1995: 132, 133, 293, 378].

²⁷ Американское издание: New York: Harper & Row, 1988.

²⁸ В своих воспоминаниях он говорит, что природа «сформировала» его самого и его взгляды [Горбачев 1995: 173, 172].

²⁹ См. также документацию и обсуждение в [English 2000: 184].

Политическая личность и убеждения Ельцина

В 1985 году, пробыв у власти всего несколько месяцев, Горбачев перевел в Москву для работы в аппарате ЦК провинциального партийного лидера Ельцина, который почти десять лет возглавлял свердловскую партийную организацию, одну из крупнейших в стране. Как нам теперь известно, ни Горбачев, ни большинство других членов Политбюро не предполагали, какие неприятности они навлекли на свою голову³⁰.

В рядах региональных первых секретарей в позднебрежневскую эпоху можно было встретить несколько типов лидеров. Различие между ними не было поколенческим. Все они по идейным или материальным причинам разделяли общую приверженность «ведущей роли партии» в политической системе. Но за пределами этого их политические личности различались. Некоторые, такие как В. В. Гришин (Москва) и Г. В. Романов (Ленинград), были «аристократами» дурного брежневского пошиба; они лично воплощали и подкрепляли коррупцию той эпохи и выступали за преемственность в политике. Другие, как Е. К. Лигачев (Томск), были пуританами, считавшими коррупцию постыдным явлением и оттачивавшими свои навыки в попытках бороться с ней в своей провинции. Третьи, как Г. П. Богомяков (Тюмень), были по своей ориентации технократами и стремились интегрировать рациональный, научный опыт и упорядоченные процедуры в решение проблем в своей сфере. А некоторые другие, как Шеварднадзе из Грузии, были смелыми реформаторами, искавшими способы децентрализовать командную систему и разработать такую партийную систему, которая была бы более эффективной и более легитимной. Пути пуритан, технократов и реформаторов в итоге разойдутся, но изначально все они считали себя противниками коррумпированного брежневизма и сторонниками перестройки.

Ельцин был первым секретарем Свердловского обкома КПСС с 1976 года. До этого большую часть своей профессиональной жизни он был инженером-строителем и прорабом на строительстве разных объектов. Его любовь к строительству видна в его первой автобиографии; явно это было его страстью в начале жизненного пути [Ельцин 1990:43–56,78-79]³¹

---

³⁰ Рыжков, председатель Совета министров при Горбачеве, в своих мемуарах заявляет, что предостерегал Горбачева и Лигачева от назначения Ельцина первым секретарем Московского горкома партии. По словам Рыжкова, он говорил им о Ельцине, что тот «хоть и строитель, но по натуре разрушитель» [Рыжков 1995: 139]. Рыжков много лет работал с Ельциным в Свердловске.

³¹ Подробности о работе Ельцина в строительстве см. [Aron 2000, ch. 2].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.